

А. Н. Акиншин, А. И. Немировский
МИХАИЛ НИКИТИЧ КРАШЕНИННИКОВ —
ИСТОРИК ЛИТЕРАТУРЫ И ПЕДАГОГ

В истории классического образования России достаточно хорошо известна роль Дерптского (Юрьевского, Тартуского) университета, одного из главных центров антиковедения и кузницы кадров российской профессуры. Поэтому нас немало удивила недавняя статья Анны Лиел “Estland” в энциклопедии “Der Neue Pauly” (Новый Паули), сокращенном и модернизированном варианте 80-томной энциклопедии Паули—Виссова. В изложении истории университета от 1802 до 1914 г. указывается, что в 1802 г. его основал Карл Моргенштерн, ученик Фридриха Августа Вольфа, а в последующем прославили своими трудами Отто Швабе, Людвиг Преллер, Людвиг Мерклин¹. О том, что на протяжении столетия это был русский университет и в нем работали не одни только немцы, статья не сообщает — ни имен, ни трудов... Ни слова о том, что университет был кузницей профессорских кадров для университетов России.

Впрочем, наряду с этой амнезией националистического свойства порой мы видим простое отсутствие интереса к прошлому науки. Что мы знаем о плеяде выдающихся ученых-классиков (эпиграфистов, папирологов, искусствоведов, этрускологов, правоведов), работавших в конце XIX — начале XX в. в некогда знаменитом Юрьевском университете?

Можно приложить немало эпитетов к XIX в. (вспомним Блока: “Век девятнадцатый, железный / Воистину жестокий век”). Но в плане познания античности он явно был добропорядочным источниковедческим веком, веком археологии, эпиграфики, папирологии, нумизматики. В самом его начале выдающийся немецкий исследователь Август Бек издал “Свод греческих надписей” (*Corpus inscriptionum graecarum*). “Свод латинских надписей” (*Corpus inscriptionum latinarum*) во многих томах был издан Теодором Моммзенем и его сотрудниками. В том же веке впервые на научной основе были изданы италийские и этрусские надписи, положено начало папирологии. Во второй половине XIX в. в изучение древних надписей мощно включилось отечественное антиковедение, прославленное такими именами, как Ф. Ф. Соколов, И. В. Цветаев, А. В. Никитский, В. В. Латышев, Н. И. Новосадский. Это было поколение титанов, на

смену которому, во всяком случае, в нашей стране, не пришло поколение богов. На многие десятилетия в этой сфере воцарились хаос, мрак, пустота. Единственным исключением был М. И. Ростовцев, эмигрировавший в 1918 г. за границу и там признанный богом, “Моммзенем XX века”.

В этой связи особого внимания заслуживает колоритная и трагическая фигура Михаила Никитича Крашенинникова (4.01.1865 — 21.01.1932)². Став в январе 1896 г. экстраординарным профессором кафедры древнеклассической филологии и истории литературы Юрьевского университета, он закончил свою деятельность профессором Воронежского университета в 1929 г. Из краткой автобиографии, опубликованной в справочнике, выпущенном к столетию существования Юрьевского университета³, следует, что жизненный и творческий путь ученого таков. Родился в Новгороде, учился в приходском и уездном училищах в Череповце, окончил с золотой медалью Кронштадтскую классическую гимназию (1883). Его *alma mater* — историко-филологический факультет Петербургского университета. За студенческие работы “Африка под римским владычеством” и “Гай Азиний Поллион как государственный деятель и литератор” он был удостоен золотых медалей. По окончании университета в 1887 г. оставлен для приготовления к профессорскому званию и через четыре года защитил магистерскую диссертацию “Римские муниципальные жрецы и жрицы”⁴. Тогда же был направлен в первую длительную научную командировку в Италию. Характерно замечание Крашенинникова: “Никаких лекций по предметам избранной специальности у заграничных знаменитостей не слушал, считая посещение таковых совершенно излишней роскошью после своих университетских занятий под руководством четырех русских корифеев классической филологии: В. К. Эрнштедта, К. Я. Любегеля, П. В. Никитина, И. В. Помяловского”⁵.

Собранный во время работы в заграничных музеях и библиотеках материал дал возможность Крашенинникову написать и защитить в 1895 г. докторскую диссертацию “Августалы и сакральное магистерство”⁶. Уже как профессор Юрьевского университета он отправляется в новую научную командировку (Рим — Флоренция — Милан — Венеция — Вена) для работы над рукописями Прокопия Кесарийского и других древних авторов. По возвращении из командировки весной 1898 г. он назначается ординарным профессором кафедры древнеклассической филологии и истории литературы.

Обе диссертации Крашенинникова основаны на материале

латинских надписей, включенных в изданный Моммзенем и его сотрудниками “Свод латинских надписей”. В массе своей эти надписи относятся к императорской эпохе, характеризуя культ в римских муниципиях, объектом которого был император. Августалы и другие муниципальные жрецы изредка упоминаются в литературных источниках, но содержащегося в них материала не хватило бы даже на небольшую статью. В плане социальном, может быть, интереснее всего свидетельство об одном из августалов — Тримальхионе, герое романа времени Нерона Петрония “Сатирикон”. Тримальхион — богач-вольноотпущенник, тот самый, который хвастался в своем завещании: “Я не учился ни геометрии, ни критике, ни вообще никакой чепухе, но знаю буквы на камнях”. Вот по этим “буквам на камнях”, по надписям, можно судить о роли этого жречества. Поскольку в I—III вв. в империи были сотни муниципий, количество надписей, упоминающих августалов, измеряется многими тысячами. Все Средиземноморье испещрено следами деятельности “тримальхионов”, идеологических винтиков римской империи. И этот феномен дает для понимания сути империи больше, чем что-либо другое. Это — памятник культа личности обожествленного главы государства, существовавшего в самых отдаленных уголках. Данного культа, как будто, никто не организовывал; это самодеятельность, застывшая на камне лояльность. Задачей исследователя было ввести эти источники в исследовательский оборот, дать им классификацию по местам находок, по типам отдельных титулатур; выяснив соотношение между ними, изучить условия, в которых эти лица функционировали.

М. Н. Крашенинников выступает здесь как источниковед. В его задачу не входило выяснение того, как возник культ императорской личности в Риме, какое влияние на его формирование оказала практика эллинистических государств, включенных в римскую империю, какова была роль в создании этого культа окружения Августа, где ведущую роль играли римляне этрусского происхождения, потомки лукумонов. Крашенинников только собрал тексты и расположил их в определенной системе. Такие работы являются фундаментом для дальнейших исторических и социологических исследований. На этом материале могла быть воссоздана всепроникающая картина культа личности, соответствующая грандиозности самой империи, которая не могла существовать без этого культа.

К сожалению, подобные исследования не появились. Марксистская наука, долгое время занимавшаяся историей древних

империй, подчеркивала их слабость, остроту классовых противоречий, будто бы приведших к революции, уничтожившей рабовладельческую формацию. Если бы многие из стоявших на этой почве ученых познакомились с собранием надписей Крашенинникова, они бы убедились, насколько был ограничен вульгарный марксизм в понимании истинных причин падения данной формации. И отнюдь не случайно, что сам Крашенинников, собравший эти материалы, оказался одной из первых жертв имперской идеи культа личности.

В 1897 г. в Юрьеве была опубликована на латинском языке другая работа М. Н. Крашенинникова, посвященная труду греческого (или грекоязычного) автора III в. до н.э. Аристеея. В форме письма Аристеея сообщает о переводе на греческий язык главной части еврейской Библии Пятикнижия, якобы осуществленном 72 переводчиками (толковниками). Текст этого произведения незадолго до того был издан коллегой Крашенинникова по университету Л. Мендельсоном. Это был тот самый Мендельсон, который обессмертил себя, Юрьевский университет и российскую науку в целом образцовым изданием трудов Аппиана на языке оригинала. По этому тойбнеровскому изданию Аппиана в 30-х гг. XX в. был сделан русский перевод произведений александрийского историка, который и в 90-е гг. воспроизводился без изменений. Авторы предисловий к этим переводам в советские годы возносили хвалу Карлу Марксу, своим отзывом в письме Энгельсу якобы вырвавшему Аппиана из забвения. Кажется, они не знали о том, что подлинным открывателем Аппиана был российский ученый из Юрьева. Но об этом прекрасно было известно М.Н. Крашенинникову. И его небольшая книга об Аристеее была дополнением к изданию текста Аристеея Мендельсоном, к этому времени скончавшимся, данью его памяти. К сожалению, работа Крашенинникова оказалась забытой как в России, так и за ее пределами. Видимо, зная поговорку “русское не читается”, М. Н. Крашенинников написал исследование на международном научном языке — латыни. Но и оно осталось незамеченным.

На рубеже двух веков Крашенинников занимается сочинениями Прокопия Кесарийского, историка эпохи Юстиниана, автора истории войн в восьми книгах, “Построек” (Periktismaton) и “Тайной истории” (Arcana historia) — это название дано одним из первых издателей, тогда как Свиды (Суда), лексикограф IX в. н.э., называет это сочинение Anekdotia, словом, которое может иметь и пушкинский смысл — “времен минувших анекдоты от

Ромула до наших дней хранил он в памяти своей”, и современный, старшему поколению хорошо знакомый, когда за анекдоты сажали. Труд Прокопия Кесарийского соответствует последнему значению, поскольку в нем сообщались сведения об императоре Юстиниане и его супруге Феодоре, противоречащие тому, что император писал о себе в своих трудах. В своем отечестве Крашенинников не имел предшественников, в Европе же до него было несколько изданий “Тайной истории”. М. Н. Крашенинников превзошел этих издателей, поскольку в его распоряжении оказалось 12 рукописей, а не 8, как у них. Описание этих рукописей дано Крашенинниковым в “Византийском временнике”⁷.

Перед Великой отечественной войной, впервые в советские годы, был опубликован перевод “Тайной истории”, осуществленный С. П. Кондратьевым. В кратком предисловии к нему исследователь писал: “Крупным событием в работе по “Тайной истории” было издание ее покойным профессором Юрьевского университета М. Н. Крашенинниковым. Им были найдены новые рукописи Прокопия в Ватиканской библиотеке, имеющие большое значение для критики текста, были проверены коллекции прежних рукописей”⁸.

Это не единственная в советские годы печатная оценка деятельности М. Н. Крашенинникова. В 1938 г. в обзорной статье о византиноведении академик С. А. Жебелев писал: “Покойным юрьевским профессором М. Н. Крашенинниковым предпринято было новое большое издание сочинений Прокопия Кесарийского. Произведено было сличение чуть ли не всех рукописей Прокопия, но обработка издания затянулась, а тем временем стало появляться новое издание Прокопия в обработке немецкого ученого Хаури. Крашенинников охладел к своей работе, стоившей ему большого труда, и из грандиозного труда появилась только “Тайная история” Прокопия. Столь же много энергии было затрачено Крашенинниковым для изучения рукописного предания, так называемых Константиновых эксцерптов; результаты этого исследования опубликованы им в многочисленных и очень обстоятельных статьях, напечатанных в “Византийском временнике” и в Журнале мин[истерства] нар[одного] просвещения”⁹. Во вступительной статье к опубликованному в 1950 г. переводу “Войны с готами”, написанной З. В. Удальцовой, Крашенинников уже не упомянут, хотя “Войнами” он занимался значительно больше, чем “Тайной историей”¹⁰. Зато здесь име-

ются многочисленные ссылки на “Краткий курс ВКП(б)”, труды Ленина и Сталина...

Рецензентом магистерской и докторской диссертаций М. Н. Крашенинникова был Фаддей Францевич Зелинский (1859—1944). В первой половине 90-х гг. XIX в. он не был еще мэтром. До этого он прошел через русскую филологическую семинарию при Лейпцигском университете (ту самую, куда отказался поступить казенным стипендиатом М. Н. Крашенинников, предпочтя ей Петербургский университет), защитил в 1880 г. в Лейпциге написанную по-немецки магистерскую диссертацию “Последние годы 2-й Пунической войны”, в 1885 г. в Дерпте — докторскую диссертацию по греческой комедии и стал тогда же профессором Санкт-Петербургского университета.

Латинская эпиграфика никогда не входила в широкий круг занятий Фаддея Францевича, но это его не остановило, и он смело вторгся в чуждую ему область. Его рецензия на магистерскую диссертацию Крашенинникова появилась в год ее защиты в немецком филологическом журнале¹¹. М. Н. Крашенинников ответил на критику в том же журнале¹². На докторскую диссертацию М. Н. Крашенинникова Зелинский отозвался статей в “Журнале министерства народного просвещения”¹³. На нее Крашенинников ответил небольшой книгой “Странный ученый”¹⁴. С позиций нашего времени Крашенинников был куда более странным ученым, чем Зелинский. На одной из его “странностей” следует остановиться. Превосходное знание греческого и латинского языков выработало у него своеобразное отношение к переводам на новые языки — в своих работах он никогда не давал переводов цитируемых им древних текстов, считая это профанацией науки. Зелинский, напротив, стремился к широчайшему распространению знаний об античности, и в этом добился славы и признания потомства. Свою антикритику в книге “Странный ученый” Крашенинников начинает эпиграфом из “Вакханок” Еврипида и единственный раз в жизни приводит перевод, при этом самого Зелинского: “У тебя язык вращается легко, точно у благоразумного, но в речах твоих разума нет”. В чем же суть научных разногласий между учеными?

Зелинский не отрицал огромной эрудиции Крашенинникова и важности его исследования, однако полагал, что некоторые предложенные им термины неточны, и, конечно же, Зелинскому претило отсутствие в работах Крашенинникова широких обобщений.

Но оставим этот спор титанов. Каждый из них был по-сво-

ему прав. Крашенинников, в самом деле, не выжал многого из своего материала (слова “не выжал” — из рецензии Зелинского). Но никто до Крашенинникова не представил в таком объеме материала для понимания судеб империи, и не только римской, ведь речь идет об имперской идее культа личности.

М. Н. Крашенинников занимался не только латинскими надписями, которые относились к теме его диссертаций. В ноябрьском и декабрьском номерах “Журнала министерства народного просвещения” за 1892 г. началась публикация его “Эпиграфических этюдов”¹⁵ — исследования в двух главах, одна из которых посвящена прозаическим, а другая поэтическим текстам¹⁶. Одну за другой разбирает ученый надписи, снабжая их комментариями. Вот погребальная надпись, списанная в испанском городе Конкордии Т. Моммзенем и им же опубликованная в пятом томе “Свода” (№ 1881). Надпись несложная, за исключением сокращения Q в середине текста. Вот наш ее перевод: “Богам манам, Марк Аврелий Валерий Q знаменосец Пятого Македонского легиона. Прожил...”. В примечании Моммзена по латыни Q истолковывается как сокращение латинского *quondam* (когда-то, некогда) или *quaestore* (квестором). Крашенинников увидел в Q обозначение трибы — *Quirina* и предложил такое чтение: “*Dis Manibus Marcus Aurelius Valerius Quirina signifer legionis Quinto Macedonicae vixit...*”. Данное прочтение обосновано рядом параллелей, древними текстами, опубликованными Моммзенем в его “Своде”. Итак, Моммзен уличен в ошибке и не в одной: Крашенинников нашел их многие десятки, и это стало известно не только читателям “Журнала министерства народного просвещения”, но и немецким исследователям, поскольку Крашенинников публиковал свои работы в главном органе германской классической филологии, журнале “*Philologus*”.

В посвященной Зелинскому статье в энциклопедии Брокгауза—Эфрона М. И. Ростовцев определяет семь направлений его деятельности: Цицерон и его роль в мировой культуре, гомеровский вопрос, история религий, история идей, психология языка, сравнительная история литературы, классическое образование в России¹⁷. У Крашенинникова было лишь два направления деятельности — латинская эпиграфика и тексты древних авторов. Кроме подготовленного к печати корпуса сочинений Прокопия Кесарийского, он внес поправки в тексты многих античных авторов: греческих (Аппиана, Аристея, Диона Кассия, Лукиана, Полибия, Солона, Софокла) и латинских (Гигина, Катуллы, Плиния Старшего, Стация, Теренция, Юлия Капитолина).

Главная его цель — проверка и уточнение материала, на основании которого можно сделать научные выводы.

Указатель изданий по истории Древней Греции и Древнего Рима, выпущенный в 1961 г. А. И. Воронковым, зафиксировал 28 названий трудов М. Н. Крашенинникова. В этом перечне — монографии, издания научных текстов, основательные научные статьи, несколько рецензий. Популяризацией науки Михаил Никитич, как правило, не занимался. Можно указать лишь на изложение им блестящего труда Круазе по истории древнегреческой литературы до первого его перевода на русский язык (СПб., 1900). Это изложение под названием “Мораль в греческой литературе” печаталось на протяжении двух лет в нескольких номерах ежемесячного журнала “Гимназия”, выходившего в соседнем Ревеле (Таллине) под редакцией Григория Андреевича Янчевецкого, отца писателя Василия Григорьевича Яна¹⁸.

Однако и личные судьбы Зелинского и Крашенинникова удивительно вписывались в идею притчи. Зелинского, покинувшего Россию в 1922 г., ожидали Запад, профессура в Варшавском университете, смерть в Германии. Крашенинникова — Восток: Воронежский университет и Казахстан, где он умер в лагере.

Последняя трагическая страница жизни Михаила Никитича была связана с Воронежем. Ныне, кажется, уже не осталось никого, кто знал его лично. Но еще три десятилетия назад было немало тех, для которых имя его ассоциировалось с образом реакционного буржуазного профессора, врага марксизма-ленинизма или ученого эрудита и чудака. Как-то раз речь о нем зашла в одной из бесед с Н. Е. Штемпель, любившей вспоминать о старых воронежских профессорах. Наталья Евгеньевна прослушала несколько его лекций, большую часть которых, по ее словам, он спорил с каким-то оппонентом, и не стоило труда догадаться, что этот оппонент — знаменитый Моммзен, с которым Михаил Никитич спорил еще при жизни немецкого ученого, не принимая значительной части его чтений латинских надписей. И была еще одна беседа — с заведующим кафедрой педагогики ВГУ С. В. Ивановым. На вопрос о Крашенинникове, он оглянулся по сторонам и, убедившись, что никого поблизости нет, сказал: “Это был прекрасный человек. Но нет людей без слабостей. Его слабостью были кошки. Зная это, мы ему в те голодные годы приносили для них остатки еды”. Остальные моменты жизни Крашенинникова в Воронеже удалось узнать из воронежских газет и архивно-следственного дела воронежских краеведов, по которому проходил ученый.

М. Н. Крашенинников вместе со своими коллегами по Юрьевскому университету 27 июня 1918 г. приехал в Воронеж. С июля 1918 г. по 1 сентября 1929 г. он занимал профессорскую должность, первоначально по кафедре классической филологии и древней истории (очевидно, он этой кафедрой и заведовал). В 1921 г. он читал в ВГУ следующие общие курсы: история греческой литературы, история античного искусства, греческая палеография; спецкурсы: греческая эпиграфика, “Гораций”, “Геродот”, “Теренций”¹⁹. Одновременно в 1920—1922 гг. Крашенинников преподавал в Воронежском отделении Московского археологического института, где читал лекционные курсы по греческой палеографии и эпиграфике²⁰. В ноябре 1921 г. местное отделение Археологического института обратилось с письмом к председателю Совнаркома В. И. Ульянову-Ленину в защиту ректора и создателя этого института А. И. Успенского²¹.

С осени 1920 г. в Воронеже под председательством М. Н. Крашенинникова существовал местный отдел “Общества по исследованию памятников древности имени А. И. Успенского”, два года спустя преобразованный в Историко-археологическое общество. После ликвидации отделения Археологического института при губернском музее были созданы историко-археологические курсы; 15 октября 1922 г. на курсах выступил Крашенинников с докладом: “Новая интерпретация так называемой Венеры Милосской”²².

В 1924 или 1925 г. директор Ватиканской библиотеки проф. Джованни Меркати через приезжавшего в Рим профессора Тифлисского университета Г. Ф. Церетели передал Крашенинникову приглашение занять, в случае если ему придется покинуть СССР, место в Ватиканской библиотеке²³. На это приглашение, по словам ученого, он никак не откликнулся, но сам факт связей с заграницей был позднее поставлен ему в вину, так же, как и общение с доцентом кафедры русской истории С. Н. Введенским (1867—1940), которого позднее чекисты “назначили” руководителем контрреволюционной организации. Крашенинников на следствии сообщал, относя события к 1927 г.: “Однажды был разговор, по инициативе самого Введенского, о желательности совместного критического издания очень важного и для русской истории сочинения “De administrando impero” (Об управлении государством) византийского писателя X века Константина Багрянородного. При этом по поводу задуманного нами совместного издания считаю долгом пояснить, что издание греческого текста и редакцию русского перевода я предлагал взять на

себя, а русский перевод и комментарии к нему — Введенский. Предполагали мы тогда осуществить эту задачу при материальной поддержке со стороны Ленинградской академии наук через посредство академика Платонова и напечатать все издание на средства Академии наук в академической типографии”²⁴. Думаем, излишне объяснять, что планы эти не осуществились.

С 1 сентября 1926 г. Крашенинников был профессором кафедры общего языкознания и читал лекции по истории западноевропейской литературы. Следует сказать, что его преподавательская деятельность в 1920-е гг. в полной мере не изучена из-за отсутствия источников. Лишь на допросе 16 ноября 1930 г., говоря о своем лояльном отношении к советской власти, Крашенинников счел нужным отметить: “Только по вопросам, касающимся народного образования, особенно высшего, я должен сказать, что вместо ныне практикуемой системы в вузах я предпочел бы, чтобы студентов в возможно меньшей степени нагружали общественной работой, оставляя им побольше времени для занятий по избранным ими специальностям”²⁵.

В конце 1920-х гг. в стране начались гонения на старую гуманитарную интеллигенцию. Не избежал этого позорного явления и Воронежский университет. В начале июня 1929 г. состоялись отчеты профессоров перед “общественностью”²⁶. М. Н. Крашенинников отчитывался 5 июня. Он не видел для себя возможности дальнейшей работы в университете, а потому и не считал нужным лукавить: “Я не марксист, — заявил он, — марксистом не был и быть не могу. Маркс, Энгельс и Ленин ничего не сделали в области языкознания, а то, что пробовала делать “младшая марксистская братия”, вышло очень неудачно”²⁷. Речь его длилась два часа. Естественно, что ученый подвергся резкой критике со стороны ректората и преподавателей-коммунистов. Эпитеты “идеалист” и “реакционер” были самыми мягкими из тех, которыми его наградили. Единственный, кто выступил в защиту профессора, был студент Никита Пруцков (1908—1979).

М. Н. Крашенинников был уволен из университета и перешел на положение академического пенсионера. Он жил одиноко на ул. Студенческой (д. 4, кв. 27), недалеко от университетского корпуса. Его спокойная жизнь продолжалась недолго. 5 ноября 1930 г. он был арестован по так называемому “делу краеведов”²⁸. Ученого обвиняли в контрреволюционной деятельности, его широкая международная известность рассматривалась как средство для получения зарубежной финансовой помощи при осуществлении государственного переворота. Однако для следо-

вателей была вполне очевидной надуманность этих обвинений, и профессора допрашивали лишь четыре раза: 16 ноября, 22 ноября и 23 декабря 1930 г., 31 января 1931 г. и суть вопросов, в основном, вращалась вокруг пресловутого отчета Крашенинникова и обстоятельств его ухода из ВГУ. С этой точки зрения очень любопытен протокол второго допроса, написанный собственноручно М. Н. Крашенинниковым (лишь в уголке последнего листа скромная приписка: “допросил Иванов”), который мы приводим целиком:

“4 июня 1929 г. происходило открытое заседание в В.Г.У., под председательством ректора т. Сапожникова, на котором мною был сделан отчетный доклад о моей деятельности в В.Г.У. как профессора общего языкознания, читавшего, кроме того, по поручению педфака, лекции по истории западно-европейской литературы. В самом же начале своего доклада я заявил, что вследствие некоторых весьма неблагоприятных условий, создавшихся в В.Г.У. главным образом с весны 1929 г. по инициативе тогдашнего декана педфака т. Дернова, я вынужден отказаться от мысли продолжать свою службу в В.Г.У. и потому твердо решил выйти в отставку с осени того же 1929 г.

Затем в речи, продолжавшейся более двух часов, я подробно ознакомил слушателей с методами своего преподавания как общего языкознания, так и истории зап[адно]-европ[ейской] литературы, с составленными мною и одобренными Наркомпросом программами обоих вышеназванных научных дисциплин и т.д., причем пояснил, что в области общего языкознания²⁹ не могло быть и речи о марксистском преподавании этой науки уже потому, что до сих пор не имеется марксистских обработок общего языкознания. Что же касается истории зап[адно]-европ[ейской] литературы, то ее я преподавал, хотя сам я и не принадлежу к числу марксистов, таким образом, что общее направление было безусловно марксистским: программы были марксистскими (что, кстати сказать, во время прений, последовавших за моим докладом, совершенно безуспешно пытались отрицать тт. Тарадин и Дернов), пособия мною рекомендовались по преимуществу марксистские (Луначарского, Когана, Фриче). Я вполне добросовестно ознакомил своих слушателей со всеми марксистскими объяснениями различных историко-литературных явлений, но в тех (в общем, немногочисленных) случаях, когда мне казалось неправильным то или иное решение какой-либо историко-литературной проблемы, предложенное в сочинениях марксистов, я считал своим долгом указывать соответственные недостатки такого решения и, со своей стороны, если это оказывалось возможным, отмечал какое-либо иное решение. Но я никогда не производил какого-либо давления на своих слушателей в том смысле, чтобы требовать от них признания единственно верными только мои собственные объяснения: если кому были более по вкусу критикуемые мною объяснения, находившиеся в рекомендованных мною же марксистских руководствах, я не чинил им в этом отношении никаких препятствий и

всегда свободно зачитывал их ответы. Сверх того я должен упомянуть, что в своих лекциях я motu proprio, т.е. по собственной инициативе, — между прочим и в области общего языкознания — в достаточной мере проводил и антирелигиозные воззрения.

Далее в своем отчете я подробно остановился на выяснении тех неблагоприятных условий, которые создались с весны 1929 г. вследствие печатных выступлений против меня т. Дернова и двух анонимов в газете “Красный университет”. Т. Дернов (преподающий в В.Г.У. методу математики) после предварительных замечаний, что де в настоящее время все без исключения дисциплины, преподаваемые в вузах, должны быть “пронизаны” ленинизмом и марксизмом, выступил против меня с обвинением, что я де провожу “лженаучные течения”, — но никаких конкретных примеров таких “лженаучных течений” не привел, сославшись на отзывы обо мне в “прессе”, — а этой “прессой” в данном случае являлся “Красный университет”, где в том же (если я не ошибаюсь) или в предыдущем № были напечатаны две статьи, из коих одна, подписанная “Студенты”, а другая каким-то псевдонимом, — приписывали мне такие взгляды и отзывы об авторах рекомендованных мною марксистских пособий, каких я никогда не проводил в своих лекциях. Выступая таким образом в роли моего обвинителя, т. Дернов, а кроме него и т. Тарадин (по своим специальностям столь же далекий, как и т. Дернов, от обеих дисциплин, преподававшихся мною в В.Г.У.), выявили свое полнейшее незнание с общим языкознанием, которое, как я уже имел случай упомянуть выше, до сих пор еще не получило марксистской обработки. В своем докладе я это подчеркнул и предложил обоим вышеназванным марксистам дать со своей стороны какое-либо марксистское объяснение любому факту, входящему в сферу общего языкознания, — и для примера предложил им марксистски объяснить мне такие факты из жизни языка, как фонетические и нефонетические изменения звуков. На это я получил от т. Тарадина буквально следующее “объяснение”: “Объяснить это можно очень просто: переселение, расселение” (и только!), а т. Дернов заметил, что де “объяснение таких явлений можно найти в брошюре Трахтенберга”, причем он не дал никаких объяснений, какую именно “брошюру Трахтенберга” он имеет в виду, а равно и не привел никаких цитат из этой (не существующей) “брошюры”. Какую цену могли иметь подобные “марксистские” объяснения, легко было понять и всей публике, наполнявшей аудит[орию] № 6 и не бывшей в состоянии удержаться от дружного смеха, когда я подверг легкой критике эти “марксистские” экскурсии двух профанов в совершенно незнакомую им область общего языкознания.

Не более удачными оказались и попытки тех же тт. Дернова и Тарадина опорочить составленные мною и одобренные Наркомпросом программы по истории зап[адно]-европ[ейской] литературы. Они утверждали, что эти программы вовсе не имеют марксистской окраски. Но и эти программы были взяты мною на данное заседание, и оглашение их также вполне убедило присутствовавших в совершенной неосновательности возражений тт. Дернова и Тарадина.

Вообще я не оставил без соответственных возражений и опровержений ни одного, даже мелкого, замечания моих оппонентов, и публике в тот вечер пришлось немало посмеяться, когда я выставлял на вид странность выступлений этих оппонентов. Только по поводу заключительной речи т. Сапожникова я не имел возможности выступить с ее критикой, хотя и многое имел возразить против мыслей, высказанных т. Сапожниковым.

Т. Сапожников, очень лестно отозвавшись обо мне, как об “очень умном и остроумном человеке”, заметил, что все же я “как не-марксист”, не пригоден для занятия кафедры, — и в то же время он признал, что марксистской обработки общее языкознание еще до сих пор не получило, и что она есть дело будущего. Я же полагаю, что один умный и научно образованный не-марксист, при добросовестном и объективном отношении к делу может и при преподавании марксистских дисциплин принести гораздо больше пользы, чем десятки “марксистов”³⁰.

Коллегия ОГПУ 5 июня 1931 г. приговорила М. Н. Крашенинникова к ссылке в Северный Казахстан сроком на 5 лет. Он умер в Семипалатинском лагере 21 января 1932 г.³¹

Рубеж веков и тысячелетий потребовал подведения итогов научных завоеваний в области истории античности. Изучение деятельности одного университетского ученого может навеять пессимистические выводы. Но даже не выходя за границы темы, мы в состоянии усмотреть некоторые оптимистические моменты. Греческое слово “история” — однокоренное с русским “истина”. Историк — это тот, кто ставит своей целью поиск истины, не склоняясь перед выгодой, политическими интересами и другими привходящими обстоятельствами. Михаил Никитич Крашенинников был историком именно такого типа, который на протяжении десятилетий отождествлялся в нашей стране с буржуазной историографией. Судьба М. Н. Крашенинникова также принадлежала истории. Ее предпочитали замалчивать. Но о нем не забыли вовсе, и сейчас настало время, когда о его вкладе в науку можно говорить открыто. Истина победила. Это и есть оптимистическая нотка в грустной истории о русском ученом-патриоте, павшем жертвой идеологической травли конца 1920-х гг.

¹ См.: Der Neue Pauly. Berlin, 1999. Bd XIII. Col. 1048.

² В Воронеже о нем появились лишь две газетные заметки и одна биографическая публикация: См.: *Моисеева Т.* Ученый с мировым именем // Воронежский ун-т. 1967. 14 марта; *Акиншин А.* Михаил Крашенинников // Воронежский курьер. 1990. 19 нояб.; *Попов С. А.* Михаил Никитич Крашенинников (1865—1932): Материалы к биографии // Филол. записки. 2001. Вып. 16. С. 171—179.

³ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей импера-

торского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования. 1802—1902. Юрьев, 1903. С. 436—438.

⁴ См.: Крашенинников М. Н. Римские муниципальные жрецы и жрицы: Эпиграфическое исследование. СПб., 1891. — 158 с.

⁵ Биографический словарь... С. 437.

⁶ См.: Крашенинников М. Н. Августалы и сакральное магистерство: Исследование в области римского муниципального права и древностей. СПб., 1895. — 338 с.

⁷ См.: Крашенинников М. Н. О рукописном предании “Тайной истории” Прокопия // Византийский временник. 1896. Т. III. С. 416—425; *Он же*. К критике текста Прокопия Кесарийского // Там же. 1898. Т. V. С. 439—482.

⁸ Кондратьев С. П. Прокопий Кесарийский. “Тайная история” // Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 274. В предисловии к переводу книги Прокопия Кесарийского “О постройках” М. Н. Крашенинников не упомянут. См.: Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 203—204. (Далее — ВДИ).

⁹ Жебелев С. А. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке // ВДИ. 1938. № 4. С. 17.

¹⁰ См.: Удальцова З. В. Прокопий Кесарийский и его “История войн с готами” // Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950. С. 3—60.

¹¹ См.: Philologus. 1891. S. 363—370.

¹² См.: *Ibid.* S. 692—703.

¹³ См.: Зелинский Ф. Ф. [Рецензия] // Журнал министерства народного просвещения. 1896. № 2. С. 400—421.

¹⁴ См.: Крашенинников М. Н. Странный ученый, или как и кем иногда пишутся “ученые” рецензии. Ответ г. Фаддею Зелинскому. Юрьев, 1896. — 112 с.

¹⁵ “Эпиграфические этюды” в виде отдельного оттиска хранятся в Российской государственной библиотеке. На оттиске имеется дарственная надпись на латинском языке, проливающая свет на дружеские контакты М. Н. Крашенинникова: “Venceslao Ivanov viro summae amicitiae duodecim calende 1893. Roma”. Конечно же, Venceslaus Ivanov, дружеские отношения с которым так высоко оценил автор, — это поэт Вячеслав Иванов, символист, “русский европеец”, как его оценивал Лев Шестов, и прекрасный знаток латыни (на древнем языке им написана диссертация о римских публиканах). Оба они были славянофилами и патриотами России, оставаясь знатоками европейской культуры.

¹⁶ Публикация продолжалась в том же журнале (1893. № 6 и 7; 1895. № 5 и 6).

¹⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона. СПб., 1894. Т. 12а. С. 729.

¹⁸ См.: Крашенинников М. Н. Мораль в греческой литературе (по Круазе) // Гимназия. 1897. Кн. 5. С. 1—10; Кн. 6. С. 1—14; 1898. Кн. 1. С. 11—24; Кн. 3. С. 1—12; Кн. 4. С. 13—28; Кн. 5. С. 29—44; 1899. Кн. 3. С. 45—60.

¹⁹ См.: Воронежский историко-археологический вестник. 1921. Вып. 1. С. 52.

²⁰ Там же. С. 52—53; Вып. 2. С. 76—77.

²¹ ГАВО, ф. Р-457, оп. 2, д. 1. л. 8, 16 и об.

²² Там же, ф. Р-1, оп. 1, д. 822, л. 12, 63.

²³ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. 16967, т. 3, л. 400—402 об.; *Попов С. А.* Указ. соч. С. 174.

²⁴ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. 16967. т. 3, л. 396.

²⁵ Там же, л. 392.

²⁶ См.: Университет на новых путях: Общественная проверка работы кафедр // Коммуна. 1929. 4 июня. № 124.

²⁷ “Лебединая песнь” реакционной профессуры // Коммуна. 1929. 9 июня. № 129.

²⁸ Более подробно об этом деле, по которому арестовано 92 человека в разных городах Центрально-Черноземной области, см.: *Акиншин А. Н.* Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Русская провинция. Воронеж, 1992. С. 208—235; *Он же.* Судьба краеведов (конец 20-х — начало 30-х гг.) // Вопросы истории. 1992. № 6—7. С. 172—178.

²⁹ Все подчеркивания в тексте документа принадлежат автору.

³⁰ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. 16967, т. 3, л. 393—395.

³¹ Там же, т. 10, л. 86 об.